

Загадка песенки штрафбатовской

РЕЗОНАНС

Взяться за перо заставила публикация Риммы Дышаленковой «Урок письменной цивилизации» в «Магнитогорском металле» 10 сентября.

История незатейливая, на первый взгляд, видимо, штрафбатовской песенки, впервые услышанной мной четверть века назад.

В конце 70-х мне довелось работать в агаповской многоотраслевой «Звезде» с горным инженером, поэтом Виктором Павелиным и зубром журналистики Леонидом Архиповым. По неслучайному обычаю отменяли гонорар на берегу сонной задумчивой речушки. Виктор читал свои стихи, что он мог делать в любой обстановке: на пустой остановке или в переполненной автобусе. Вскоре речь зашла о песнях.

— Ребята, — начал Павелин, — а знаете, что Фадеев не принимал песни Фатьянова? Мол, пишешь, Леша, не о том. Но почему-то после третьей, оговаривался писателю, пою «тебя», пою Фатьянова. «Майскими короткими ночами...»

Как бы в ответ наш коллега, прозванный за глаза «Фотобойко», затянул:

*Первая болванка попала танку в лоб.
От второй болванки я вылетел в окоп.
Любо, братцы, любо,
Любо, братцы, жить.*

*С нашим экипажем не приходится тужить.
А наутро, братцы, выехали в откол:
«Что ж ты в этом танке,
курва, не скорей?»*

*Нашему отделу любовно соворю:
«В завтрашней атаке обязательно сгорю...»*

Давно это было. Иных уж нет, а те далекие. Ушли из жизни и Павелин, и Архипов. А в памяти занозился простенький мотив той песенки без конца.

Звоню Римме Андрияновне. Ответ малоутешительный: окончания песни не знает. Звоню В. П. Баканову, ветерану Великой Отечественной войны, командиру самоходки на фронте: после войны песня не встречалась. Как вспоминает поэт Александр Павлов, в конце 50-х на Башкирском фронте, играя в лото, иногда напевали эту песню, хотя слова у нее были разные.

— Мой отец, — говорит поэт, — был танкистом в 93-й Фастовской танковой бригаде Уральского танкового добровольческого корпуса. Через эту самую болванку он получил после освобождения Киева 32 ордена, остался без глаза. Как говорил отец, болванка пробила башню танка, а осколками брони поразила экипаж внутри...

Неиз таких ли боев родилась эта песня, полная боли, злости и несомненного оптимизма? В чем же загадка и почему у этой песни нет конца? Стоп! Отгадка, то есть контраждевка «СМЕРШ» — смерть шпиона, велел всем, штрафными ротами и батальонами в том числе. Скорее всего, на фронте петь эту песню, когда царили «недурные око и ухо» НКВД, было небезопасно: запросто можно было схлопотать штрафную роту или статью врага народа. Ослаб послевоенный надзор, штрафники осколками разлетелись по стране, фронты потихоньку напевать эту песню.

Но почему-то никто не помнит заключительных слов. Сдается, что их просто не было. Как в сказке про белого бычка. Неслучайно писатель Сергей Воронин из публикации Р. Дышаленковой знавший, что такое расстрел болванки, вновь вернулся к первой строфе. Песенка оказалась закольцованной — война продолжалась, и не было ей конца, как и злости мужиков, «ловко» обещавших отделу сложить голову, но только в завтрашней атаке. Не дождется, мол...

Валерий ЕФИМОВ, педагог.

Семь веков Валеевых

Горькое тавро спецпереселенцев они несли гордо и достойно

В начале 30-х годов на строительство Магнитогорского металлургического комбината стали прибывать добровольцы, вербованные и крестьяне из ближайших районов. Но на все стройки века: Магнитку, Беломор-канал, Днепротэкс, Сталинградский тракторный — их явно не хватало.

По намеченным партией ускоренным темпам индустриализации потребовалось огромное количество дешевой рабочей силы, а для закупки на Западе оборудования и машин позарез нужны были деньги. В то время реальным источником валюты оставался советский хлеб, который, по мнению Сталина, нужно было «отобрать у тех, кто сопротивляется, применить антиуказные меры, для чего зажиточных крестьян подвести под категорию кулака». И началось. В ходе раскулачивания ликвидировали не менее трех миллионов зажиточных крестьянских хозяйств. Многие крепкие хозяева, почуввав неладное и распродав имущество, уехали в ближайшие города или другие области. А миллионы земледельцев с семьями были оторваны от земли и отправлены на стройки первой пятилетки. Это были лучшие представители крестьянства, которые горбатились на полях, обеспечивая хлебом всю страну.

1 мая 1931 года в Магнитогорск стали прибывать эшелоны с репрессированными крестьянами-спецпереселенцами. Уже к августу их насчитывалось 32680 человек. В среднем на станцию «Магнитогорск-Товарный» в 15–20 вагонов прибывали по 900–1200 человек. В одном из таких «столиничков» вагонов, продаваемых всеми ветрами, в конце июля 1931 года привезли и семью Валеевых из Татарской АССР. Хуснулгата Валеева на родине слыл зажиточным хозяином: чтобы прокормить семью из десяти едоков, нужно было работать от зари до зари. От вступления в колхоз Валеев-старший отказался, что стало веским основанием назвать семью кулацкой и на сильно отправить на Урал. По этому пошли глава семьи Хуснулгата с супругой Мастурой, сыновья Гайса с женой Маликой и трехмесячной дочерью, Ибрагим, Исмагил, Анвар, Абрам и дочь Альфия. Для вновь прибывших строили спецпоселки Центральный, Извест-

ный, Новотуковский и Старосельский. Несколько позже появились Казахский и Новосельский. Основное жилье в поселках — сборно-щитовые бараки, а также небольшое количество саманных барачков и землянок. В 1934 году в Магнитогорске уже проживали 7170 семей репрессированных — 24517 человек, на каждого приходилось по 0,54 квадратного метра жилой площади вместо трех по норме.

Свое пристанище Валеевы нашли в Центральном поселке, где кроме них можно было встретить русских, украинцев, чувшей, удмуртов, людей других национальностей, насильно лишенных крова. Прибывших разместили в недостроенных бараках без пола и потолка. Единственная мебель — четыре ряда двухъярусных нар да 3–4 печки-буржуйки, скудно обогревающие почти 300 человек. От тесноты и отсутствия какой-либо вентиляции летом жильцы задыхались, а зимой спали только в верхней одежде. Через несколько дней после «новоселья» умерла трехмесячная дочка Гайсы и Малики, а трехлетняя Альфия перенесла острую форму тифа и на всю жизнь осталась глухой.

Новичок Ибрагим, оказавшись на большой стройке, поначалу оробел. Там, в ауле, он пахал землю, селя хлеб, косил луговые травы. А здесь, прозванный когда-то близкими за четырехклассное образование «интеллигентом», он ничего не знал. Сначала стал разнорабочим и, ввязавшись в плечи «козу» — примитивное деревянное приспособление, каждый день таскал кирпичи к месту кладки.

Так началось его трудовая карьера. Жизнь шла своим чередом. Всех трудоспособных мужчин и женщин под конвоем ежедневно водили за 5–8 километров на самые тяжелые и вредные работы, на которые не шли волнонаемные: погрузочно-разгрузочные, копка котлованов и траншей, переноска тяжелых. После светового дня мужики заставляли вручную копать целину на землях, отведенных для вновь создаваемого колхоза спецпереселенцев «Заря» на Сухой речке.

Через три месяца Валеевы-

старших перебросили на строительство жилья на Щитовые. Они справлялись с любыми заданиями, показав себя опытными плотниками. С октября 1932 года Валеевых перевели плотниками управления «Прокатстрой» на строительство стана «500». Им поручили ответственное задание — устройство опалубок для бетонирования фундаментов под клети стана. Работами руководил иностранный специалист немец Винс. Он учил плотников «читать» чертежи и эскизы, прочим премудростям. Быстро освоив эту науку сорокалетней Ибрагим. Без отрыва от производства успешно окончил шестимесячные курсы и скоро стал десятником. По вышесказанному разряды получили и его братья — Гайса и Исмагил. Их фамилии закрепились на досках победителей соцсоревнования. В выходные дни и вечерами Валеевы активно участвовали в строительстве блок-

домов. Все братья от мала до велика строили жилье и через год переселились в собственные «коромышки». Посадили на небольшом участке картошку и овощи, а осенью купили корову. Голодные годы они пережили без потерь и смертей.

Вдоль бараков спецпереселенцы смастерили стайки, где держали коров, коз, свиней и кур. Перед окнами каждой комнаты появились грядки для овощей. Так репрессированные решали свои продовольственные проблемы. В бараках завучили песни и частушки на разных языках под гармошку, балалайку, гитару или мандолину. В 1934 году в Центральном поселке был открыт парк культуры и отдыха, где играл духовой оркестр, устраивали танцы, показывали кинофильмы. Отлажена необходимость конвоировать рабочих. Если в первые годы население запрещали выходить за пределы спецпоселка, то теперь ссыльные свободно бывали в любых районах города. Пешком, так как трамвайный и автомобильного движения не было.

«Жить стало лучше, жить стало веселее», — удовлетворенно отмечал Сталин. Эти перемены коснулись и специнтеллигентом, Ибрагим Валеев в конце 1934 года был досрочно освобожден от спецсылки,

Семья Валеевых

ему выдали паспорт, выделили отдельную комнату в благоустроенном бараке на 5-м участке. Еще разнорабочим, Ибрагим подолгу и внимательно наблюдал за работой плотников. Дома ему приходилось плотничать по хозяйству, с топором и ножовкой обращаться уметь. Почему бы не попроситься в бригаду? Просьба была удовлетворена, Валеев быстро освоился с новым делом, с душой выполнял задания. Ему доверили руководить звеном плотников — парень был смелый, энергичный, работы не боялся. А вот знаний стало не хватать. За пять лет он последовательно заканчивает шестимесячные курсы десятников, курсы повышения квалификации и трехгодичные курсы мастеров социалистического труда. Недавний разнорабочий становится одним из лучших мастеров Коксостроя. В числе передовых сорока производственников стройки Ибрагим Гатингович Валеев зачислен на первый курс строительного отделения Магнитогорского индустриального техникума. Впереди открывались новые горизонты...

Помешала война. Студенческая группа распалась: одни ушли на фронт, другие с головой окунулись в горячие будни стройки.

Просьбам со своими друзьями, Ибрагим говорил: «Гитлер помещал нам учиться, бейте гадину, не жалейте металла. А мы здесь, в тылу, зальем фашистские глаза бетоном!» Приходилось с утра до ночи не покидать рабочих мест. В один из таких дней на строительной площадке коковской батареи появился управляющий трестом «Магнитострой» В. Дымшич. Ознакомившись с положением дел на объекте, вызвал десятника Валеева и после беседы с ним подписал приказ о его назначении прорабом. В тот же день вношепеченный начальник участка побывал во всех бригадах, намечал конкретные задания и сроки. Его участок по-ударному трудился всю войну. В мирное время коллектив Ибрагима Гатинговича успешно работал на строительстве первого, второго и третьего листопрокатных цехов, многих коковских батарей, седьмой, восьмой, девятой и десятой доменных печей, стана «2500» горячей прокатки. В ноябре 1952 года Валеев был назначен старшим прорабом управления «Бетонстрой» треста «Магнитострой» и оставался в этой должности до ухода на заслуженный отдых в 1966 году. Его трудовой путь отмечен

орденами «Знак Почета» и Лени-

на, многими медалями. Все старшие Валеевы первого поколения достойно прошли свой жизненный путь. Гайса Хуснулгатович Валеев стал бригадиром плотников треста «Магнитострой». Золотыми и умелыми руками славился Исмагил Хуснулгатович. Анвар Хуснулгатович — горный инженер, свою судьбу связал с рудником горно-обогатительного производства ММК. Абрам Хуснулгатович стал управляющим треста «Оргтехстрой» Челябинска.

Рядом с мужьями рука об руку до конца дней их жизни шли верные соратники и подруги — Гульсидан, Малика, Нурия, Назба и Садида. Они дали путевку в жизнь двадцати детям и внукам. Среди Валеевых второго и третьего поколений — строители, энергетики, механики, программисты, станочники, журналисты и юристы. Общий трудовой стаж династии Валеевых превысил 700 лет.

Горькое тавро спецпереселенцев старшие Валеевы несли гордо и достойно, а обитание с них снято было только в 90-х годах.

Минахмет АХМЕТЗЯНОВ, бывший спецпереселенец, участник войны, ветеран труда.

Никогда не известно, сколько судьбы в нас, а нас — в судьбе.

Ян Збингев СЛОВЕСКИЙ

Пусть будет больше хороших людей

ПАМЯТЬ

Мне хочется рассказать о замечательном человеке, моем отце Федоре Ивановиче Аржевитине. Он имел торговое образование, в августе 1929 года с женой и трехлетней дочкой приехал в Магнитогорск по направлению. Я родился в 1932 году, в 1939 в семье появился мальчик.

Папа любил природу, увлекался рыбалкой, ходил с удочкой на Урал. В воскресенье 22 июня вернулся очень встревоженный, а 5 июля мы уже провожали его на фронт. Вскоре были призваны три его брата. Дети войны, мы много испытали: ожидание писем, очереди за хлебом по карточкам, учебу при нехватке учебников и тетрадей. Я два раза терял карточки, но были соседи, друзья — все старались помочь друг другу...

В 1942 году от пневмонии умер маленький братик — не было лекарств. Уже тогда я решил: вырасту и обязательно стану врачом. А от папы — ни весточки. На запрос мамы получили извещение: числится в списках пропавших без вести. Не погиб, значит, надо надеяться и ждать. Помню, как мама по вечерам писала письма папе и прятала их от нас с сестрой. Однажды я наткнулся на стопку писем, перевязанных бечевкой, но не позволила себе прочесть ни одного. Позднее уже никогда их не увидела...

В начале 1945 пришло письмо, из которого узнали, что папа с сентября 1941 по октябрь 1944 находился в плену в Финляндии. После плена он еще «отрабатывал» целый год где-то на стройке в Ростовской области. Но в великий праздник День Победы мы уже знали, что он жив. Трое его братьев с фронта не вернулись. Папа приехал в 1946 году и с 10 июня стал заведовать базой магнитогорского «Особунвермага» на «Гортерзете». Я учился в школе № 31 и после уроков обязательно забегала к нему на работу, чтобы «чмокнуть своего папочку», у меня было много своих дел: уроки, библиотека, чтение обязательной литературы. Именно на работе у папы я впервые увидела Григория Ивановича Носова, который проявлял заботу не только о комбинате, но и о городской торговле. Папа проработал в системе торговли до пенсии, был честнейшим, обязательным и благодарным человеком, добрым и строгим наставником, заботливым и ласковым отцом. Я так его любила, что мама даже выговаривала мне за это...

Папина фотография была на Доске почета, ему доверяли работу народного заседателя в суде, он был награжден знаком «Отличник советской торговли». Умер скоропостижно на 63-м году жизни, не успев вдоволь пообщаться с внуками. В день похорон в нашем переулке на левом берегу было столько людей, венков, автобусов и автомобилей! Я и сейчас благодарна за такое уважение всем людям, что пришли проводить в последний путь моего отца.

Часто встает в памяти его лицо с серыми глазами, в которых всегда была какая-то грустинка. Я благодарна родителям, что они дали мне жизнь, защитили и вырастили меня. Чувство памяти всегда со мной. Мама пережила папу на 35 лет, умерла на 96-м году жизни, намного пережив своих близких подруг. Пусть в нашем городе будет как можно больше хороших людей.

Тамара НЕФЕДОВА, ветеран труда.

Неотправленное письмо из 1934-го

Карусель светлых воспоминаний

В 1966 году судьба забросила меня в Троицк Челябинской области — небольшой старинный купеческий город, куда я попал по окончании Магнитогорского музыкального училища. Здесь в течение двадцати лет я занимался музыкально-педагогической деятельностью, отдавая в свободное время сценическому искусству в местном драматическом театре в качестве актера и режиссера. Как-то после спектакля «Люди в шинелях», в котором я исполнил главную роль, за кулисы пришла пожилая женщина и попросила познакомиться с ее мной. Это была старшая учительница Зоя Кондратьевна Исаева.

Вскоре наше знакомство переросло в добрые дружеские отношения. Я стал бывать у нее дома в полуподвальном помещении из трех комнат-клетушек, в одной из которых стояло старенькое пианино. Жила она одна в окружении двух собак и нескольких кошек. По понятным причинам находиться в этом доме более часа было невозможно, но я, бывало, выдерживал и больше, так как в этой скромно обставленной квартире все было интересно. Несмотря на свой довольно-таки преклонный возраст, она обладала прекрасной памятью и умением мастерски рассказывать о прошлом — заслушаться. Иногда мы садилась с ней за фортепьяно и играли в четыре руки, может быть, не складно, но азартно.

В прошлом Зоя Кондратьевна

жила на Украине, но в начале тридцатых, когда там начался голод, она с семьей решила бежать на Урал. Выбор пал на строящийся Магнитогорск, куда семья Исаевых приехала в 1934 году.

Предлагаю вниманию читателей строение неотправленного письма З. К. Исаевой, которое я совершенно случайно обнаружил в одной из книг, подаренных мне ею при жизни. Оно было написано ее матери на Украину через неделю после приезда в Магнитогорск. Сохранились в книге и письма ее сына, и фотографии тех лет — свидетельства героической эпохи.

«11 июля 1934 г. Магнитогорск.

Дорогая мама! Вот уже неделя, как мы в Магнитогорске. Хлеба обещали досыла, Игорь уже оставляет, не съедает весь. Только заковка с жильем, но обещают скоро дать квартиру. С нами в бараке живет один танков, как я прозвала его, с Кривоногом, сволочной мужик и грязнуля, не могу его уже видеть. Я пока устроилась работать на детскую площадку, для того, чтобы подзаработать тебе на проезд сюда, как только получу деньги — вышло тебе, и ты приедешь. Тут тебе пора и придет. Петя тебе понаравит. Петя без тебя скучает и все поет, что теща его бы поняла во многих отношениях, а мы с Игорем — нет.

Купила себе, вот, платье молное, без рукавов, вроде Леночкинское, всего за 9 руб. 21 коп., дешевое удовольствие, а то стыд-

но ходить в моих костюмах. Туфли сносятся, но купить новые пока не за что. Здесь учителей очень ценят и уважают, и они совсем другие. Сегодня получу хлебные карточки, и хлеба буду получать 800 граммов на день, как шахтер. Кипяток тут целый день. А детей — множество, абортуют, не знают, снабжение хорошее. Днем здесь ужасно жарко, утром — холод, Азия. Сним с открытым окном, воздуха нет совсем, даже на базаре ходишь спокойно. Рабочие со всех концов света, а киргизы, увидев, чудеса, в особенности, когда выпьют. Обедая в ИТРовской столовой: обед от 90 коп. до 1 руб. 24 коп. (все мясное) и 200 л. хлеба. Игорь обещает за 25 коп., наедается. Сегодня у него был суп мясной, манная каша с маслом и компот. Довелся. У меня до сих пор болит нога, сегодня опять припухла. Петя нас не встретил, так как не получил нашей телеграммы, и мы приехали неожиданно для него, свалились как снег на голову. Собираюсь пойти к нашему доктору, поговорить с ним о В. Т. Но боюсь, что из-за климата и резкой смены температуры ей придется здесь тут. Но материально им было бы чудно. Врачи на снабжении ИТР. Как получу, вышло, и айда сюда. Тут так говорят: айда, айдайте. В школе дети всеякие разные и косоглазые. Смех, говорят мне «ты». В общем, интернационал. Нисколько не жалею, что уехала из Украины. Под окном часто играет гармошка, а бабы с грудными ребятнями пляшут.

Совсем здесь все иначе. Злости нет у людей и зависти тоже. Ну, дай Бог, скоро увидимся. Целую всех, Зоя.

Р. С. Как только оправлюсь, вышлю Лене посылку, есть что послать. Пока! Пиши на адрес: Челябинская область, Магнитогорск, металлургический комбинат, заводоуправление, отдел снабды, П. С. Исаеву.»

Принимая сына Игоря:

«Здравствуй, баба! Ты не представляешь, как здесь все здорово. Сегодня катался на карусели, аж голова закружилась. Тут много всяких развлечений: две карусели, качели, цирк, мюзик-холл, театры, несколько кино и одно звуковое, много библиотек. Здесь намного все дешевле: хлеб от 2-х до 2,50 руб., масло сливочное 8–10 руб. за фунт, стейки шпена 2 — 2,20 руб., стакан риса 3 руб., ковшик кислого молока (два стакана) с творогом 1 руб. (не путай магнитогорское кислое молоко с украинским, там не молоко — сыворотка), пуд муки 120 — 140 руб. Сегодня ходил на площадку, там ничего, даю завтрак, сегодня спустился 25 коп. Съел полмиски супа очень наваристого с мясом, картошкой и перловой крупой, манной каши с маслом (пальчики оближешь) и компот с фруктами. На хлеб уже смотреть не могу. Ребята здесь неплохие, но пока ни с кем не дружу. У меня сейчас летние каникулы. В школу записался, осенью пойду в 5 класс. Баба, приезжай скорей, тебе здесь понравится. Говорят,

что в будущем Магнитогорск станет самым красивым городом на Урале. Во!

Пока, до встречи! Твой внук Игорь Петрович Исаев.»

С 1 сентября 1934 г. З. К. Исаева станет преподавать русский язык, литературу и немецкий язык в одной из первых школ города — школе № 9, открытой в 1930 г. на горе Ежовка. Учительствовала З. К. Исаева на Магнитке до 40-го года. Сын ее, Игорь Исаев, успешно окончил среднюю школу № 5, затем будет призван на военную службу и в 1943 году героически сложит голову на одном из фронтов. Муж Зои Кондратьевны, П. С. Исаев, тоже не вернулся с войны.

Армейское письмо Игоря Исаева от 29 июля 1942 года: «Дорогие папа, мама и баба! Сейчас я в Челябинске, на главпочтамте. Сегодня или завтра уеду в Чебаркуль в 6-ю арт. бригаду. Прощу прощения за то, что долго не писал, но обстоятельства не позволили. То, что я увидел дорогой, превзошло мои ожидания, куда твой 33-й год, это значительно

Ежовская школа № 9. 1935 год.

грандиознее. Свердловск сейчас противен. Из него я ехал совсем морально убитый. Сядь спокойно. Вчера прочитал о Ростове. С Ростова началось наше наступление. В Свердловске на челябинский поезд сел с приложением. Билеты в воинской кассе не комбинировали, только раненым. Я попытался, только так, но проводник был немолчим. Тогда я взобрался на площадку между вагонами, дверь в тамбур была заперта, но на мое счастье стекло в этой двери оказалось выбитым, и я влез через это окно в вагон и благополучно доехал до Челябинска — столицы нашей области. Без с собой много табаку, но промотал, так как в дороге мало дали сестного. Оставил себе лишь с полнички махорки. То, что я еду рядовым, дело моих рук, решил, что так оно лучше, так ли это — увидим. Как только прибуду на место, сообщу свой новый адрес.

Ваш Игорь»

Виталий ТИТОВ, член творческого Союза театральных деятелей России.